

Н. Черкашин

КОЛЧАК

РОМАНТИК БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Николай Андреевич Черкашин
Адмирал Колчак.
Романтик Белого движения
Серия «Великие
исторические персоны»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=437705

Адмирал Колчак. Романтик Белого движения: Вече; Москва; 2013

ISBN 9785444487655

Аннотация

Александр Васильевич Колчак – это прежде всего выдающийся путешественник, занимавшийся вопросами океанологии, гидрологии, исследованиями Арктики и ледокольного судостроения. В годы Первой мировой войны Колчак – виднейший русский флотоводец, а в последний период жизни, в лихолетье Гражданской войны – один из руководителей Белого движения, поставивший своей целью – «возрождение и воскресение погибающего государства», искренне надеющийся под знаменем борьбы с большевизмом объединить самые разнородные политические силы и создать новую твёрдую государственную власть. При всех своих неизбежных политических просчетах и человеческих ошибках

А.В. Колчак останется в русской истории XX века одной из самых выдающихся и трагических фигур.

Содержание

От автора	6
Часть первая. Белая карта	7
Севастопольское море	7
«Надо Колчака спросить»	28
К земле Санникова!	35
«Заря» пленительного... счастья?	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Черкашин

Адмирал Колчак.

Романтик Белого движения

© Черкашин Н.А., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Автор выражает благодарность всем, кто помог делом и добрым советом в сборе и обработке материалов для этой книги: таллинскому историку Российского Императорского флота Владимиру Верзунову, московскому исследователю Владимиру Лобыщину, петербургскому историку флота Владимиру Фотуньянцу, начальнику штаба Северного флота вице-адмиралу Сергею Симоненко, историку-архивисту Марине Черкашиной, библиофилу и издателю отечественной маринистики капитану 2-го ранга Андрею Бабурову, сотруднице Библиотеки русского зарубежья Татьяне Корольковой, сотруднице ЦГА ВМФ Людмиле Спиридоновой, петербургскому историку Александру Смирнову, севастопольскому правозащитнику Владимиру Стефановскому, кинорежиссеру Сергею Юрженко, сотруднице музея Вл. Набокова Елене Кузнецовой, а также родственникам Александра Васильевича Колчака – Михаилу Александрову, родственнику Софьи Федоровой-Колчак(Омировой) – Андрею Ткаченко, родственнику Анны Тимиревой – Илье Сафонову.

Приношу низкий поклон с молитвенной памятью – писателям Владимиру Максиму, Виктору Конецкому и Валентину Пикулю, капитану 1-го ранга профессору Николаю Залесскому, протоиерею отцу Борису (Старку).

Часть первая. Белая карта

Севастопольское море

В год тридцатый по завершении севастопольской кампании полковник морской артиллерии Василий Иванович Колчак собрался посетить места, где прошла его боевая бомбардирская юность. Для его десятилетнего сына-гимназиста Саша эта поездка началась, как обычные сборы к бабушке в Одессу. Разве что на сей раз отец попросил его быть непременно в полной гимназической амуниции при фуражке с эмблемой 6-й петербургской классической гимназии. Сам он тоже надел в дорогу белый флотский виц-мундир с севастопольскими медалями и солдатским Георгием на черно-оранжевой ленточке, полученный за меткую стрельбу с Малахова кургана, как полагал Саша, чуть ли не из рук самого адмирала Нахимова¹. И фуражку он взял не обычную – балтийскую с черным околышем и белым верхом, – а припрятанную до случая черноморскую – белую всю.

В Одессу выехали поездом, взяв два купе в вагоне первого класса: в одном ехали Ольга Ильинична со старшенькой

¹ Знак ордена Святого Георгия прапорщику морской артиллерии Василию Колчаку вручил комендант Севастопольского гарнизона князь Васильчиков 4 августа 1854 года. (Здесь и далее все примечания автора.)

Катей, в другом сам Василий Иванович с Сашей. Раньше никогда так не шикавали – брали одно четырехместное купе во втором классе, но эта поездка обещала быть особенной с самого начала, и Василию Ивановичу очень хотелось, чтобы она стала праздником не только для него одного.

В Одессе полковник Колчак долго не задержался. Взял с собой сына и отправился в порт, где нашел старого приятеля, капитана грузопассажирского парохода «Гаджибей» Ивана Андреевича Порубко. «Гаджибей» совершал каботажные рейсы в Крым, Новороссию и дальше до самого Батума. Капитан Порубко – могучий грузный казачина в белоснежной флотской тужурке при золотых нашивках – с радостью взялся доставить Василия Ивановича в Севастополь. Ольга Ильинична с Катей провожали их на следующий день. Старшей сестре тоже очень хотелось попасть на судно; от досады, что ее не берут, она покусывала губы, но дело намечалось мужское, можно сказать, военное, так что морская прогулка ей никак не улыбалась. Они с мамой долго махали пароходу с причала платками, пока черный дым из одинокой прямой трубы «Гаджибея» не скрылся за мысом. Саша стал было отвечать им, сорвав со стриженной головы серую фуражку, но, поймав ироничный взгляд отца, водрузил головной убор на место и, подняв, как и он, правую руку, степенно поводил ладонью из стороны в сторону.

Море источало такую синеву с таким радостным переблеском южного солнца на взгорбьях волн, что никакая

печаль не омрачала душу, тем более что разлука намечалась совсем недолгой, тем более что за маяком пароход встретили дельфины, вылетая из воды стремительными сверкающими полукружьями, тем более что капитан Порубко пригласил их на мостик, откуда мир открывался совсем по-другому – высоко и просторно.

– Ну что, господин гимназист, – обращался к нему повелитель этого лучшего на свете корабля, – батюшка-то ваш не рассказывал вам, как шли мы с ним в Севастополь на бочках с порохом? То-то был бы фейерверк, ежели бы турки нас зажгли, а, Василий Иванович? Тысяча пудов доброго артиллерийского пороха – то ж не фунт изюма?

– В Стамбуле бы услышали! – Отец не отрывался от подзорной трубы. Он разглядывал удаляющийся берег.

– Я тогда юнгой был в Николаеве, немного старше вас, а батюшка ваш в юнкерах хаживал... Ну, и отрядили нас в конвой порох в Севастополь вести на крытых фурах. А ведь пронюхай о том вражеские лазутчики, не сдобровать нам – один лишь ружейный выстрел и поминай, как звали!

Саша не раз слышал эту историю от отца. Когда началась Севастопольская война, Одессу, где жила тогда семья дедушки Ивана Лукьяновича Колчака, да и мамина тоже (правда, Ольга Ильинична Посохова еще не родилась к тому времени), обстреляли корабли англо-французской эскадры...

...Это случилось в Страстную пятницу 9 апреля 1854 го-

да, когда из всех одесских храмов выносили Плащаницу, символический саван Христа. Вдруг громом среди ясного неба бабахнул первый орудийный залп. Восемь английских и французских военных пароходов выстроились на внешнем рейде в боевую линию. Против них стояла лишь одна вооруженная 24-фунтовыми пушками береговая батарея прапорщика Щеголева, остальные являли собой лишь земляные насыпи, наспех возведенные ввиду назревавшей войны.

Русская береговая батарея открыла ответную пальбу, но быстро сбавила темп, поскольку ураганный огонь изрядно побил пушкарей. Тогда на помощь батарейцам бросились три лицеиста. Среди тех, кто подоспел к умолкающим орудиям, был и шестнадцатилетний Василий Колчак, выпускник одесского ришельевского лицея (подобный ему был только в Царском Селе). Бой разгорелся не на шутку. Юноши наравне с канонирами всю орудовали у пушек – подтаскивали ядра, подносили заряды... Орудия умолкли лишь тогда, когда на батарее кончился порох.

Вражеские корабли, сжегши пристань и несколько купеческих судов, ушли, а хваткого смелого лицеиста оставили при батарее. Василия Колчака зачислили юнкером в 44-й флотский экипаж. Вскоре поручили ему сопровождать в Севастополь артиллерийские припасы ввиду того, что главный театр военных действий определился в Крыму. Везти порох морем было нельзя – неприятель установил морскую блокаду побережья. Тогда из Николаева, где размещались флотские

арсеналы, огнеприпасы были погружены на конные фуры, и взрывоопасный транспорт двинулся под охраной казаков и моряков в дальний полутысячеверстный путь.

В том воистину адском походе Василий и сдружился с судовым юнгой Ваней Порубко, по кличке Казачок, поскольку тот, как, впрочем, и юнкер Колчак, был выходцем из черноморских казаков и вместо матросского платья носил неизменную черкеску.

На обед капитан пригласил дорогих гостей в свою каюту, где и был накрыт стол на троих. И хотя в посвежевшем море «Гаджибея» изрядно покачивало – вестовой даже застелил стол мокрой скатертью, чтобы не съезжали тарелки, – Саша, который вдруг почувствовал, как столь радужный доселе морской мир несколько поблек и стал весьма неуютен, все же заставил себя сесть за стол. Уха из султанок, одобренная красным перцем и красным же луком, показалась преотвратной настолько, что он едва не выскочил из-за стола без спросу и не бросился на свежий воздух. Отец насмешливо поглядывал на побледневшее лицо сына, видимо, вспоминая и свои первые морские ощущения. Он попытался приободрить его, рассказывая французский анекдот про некоего абсолютного лысого господина, у которого в ресторане вдруг в тарелку свалился сверчок. «Поскользнулся, милый?!» – спросил господин.

Саша вежливо изобразил подобие улыбки. Он стоически выдержал до конца обеда, отведав лишь зеленого кислющего

яблока на десерт.

– А не постоять ли нам на руле, Александр свет Васильевич?! – великодушно предложил Порубко, поднимаясь из-за стола. Все трое сотворили послетрапезную молитву и покинули каюту.

На мостике, продуваемом свежим ветром, капитан велел рулевому матросу, рыжеусому дядьке в полотняной рубаше, передать штурвал «господину гимназисту». Саша, разведя до предела руки, с трудом ухватился за отполированные ладонями рулевых до матовой желтизны деревянные рукояти.

– Ложись на чистый зюйд! – скомандовал Порубко. – Так, чтобы эта стрелка смотрела на букву «S», – пояснил он, постучав пальцем по стеклу путевого компаса.

– Ну, ворочай вправо! Смелее...

Саша изо всех сил приналег на рулевое колесо, и оно нехотя повернулось. Сразу же нос парохода, увенчанный бушпритом («Гаджибей» нес и парусную оснастку на двух мачтах), медленно пошел вправо, отворачивая от берега. Мальчик не сразу поверил, что вся эта железная махина с дымящей трубой и высоченными мачтами, подчинилась движению его рук; но она подчинилась! Пароход закачался сильнее, подминая под себя встречную волну. Качка стала килевой, да Саша уже и не замечал ее – дурнота прошла сразу, как только он ощутил в своих руках власть над огнедышащим кораблем. Глаза сияли гордостью – видели бы его сейчас питерские одноклассники! Видели бы Катя, мама! Ведь

это он сейчас сам – сам! – ведет большой пароход со множеством людей и грузов на борту. И никто из пассажиров даже не подозревает, что «Гаджибея» повернул на юг не кто иной, как гимназист третьего (уже переведен в третий) класса Александр Колчак.

Это упоительное счастье длилось с четверть часа, хотя мальчику и показалось, что он отстоял за штурвалом целую вахту.

– Ну что, теперь уж, верно, моряком будешь? – спросил капитан Порубко. Саша ответил не сразу. Ему не хотелось обижать этого замечательного человека, но он сказал то, что давно уже было им решено:

– Нет. Я, как папа, буду пушки делать.

Перед глазами встали огромные пролеты обуховских цехов. Поднятые на цепях стволы гигантских орудий – что там Царь-пушка! – медленно плыли под закопченными стеклами заводских кровель. Огромные, зевластые – из них стреляли не люди по людям, а государства по государствам...

– Вы ведь читали сочинение господина Жюль Верна «Из пушки на Луну»? – спросил Саша. – Так вот и я хочу такую пушку построить, чтобы в снаряде до Луны долететь.

– Охо-хо, – засмеялся старый капитан. – Да зачем вам Луна, коли мы еще свою Землю-матушку как след не знаем?

– Как это не знаем? – изумился Саша. – Столько путешественников было, все карты давно составлены.

– Все да не все... – Порубко достал из шкафа глобус на

резной подставке. – Вот видите у Земли две макушки, два полюса – Северный и Южный, а ведь ни одна живая душа туда не добралась, не посмотрела, как она эта ось мира через те полюса проходит, на каких таких подшипниках вертится? А вот вам, господин гимназист, целый застывший океан при полюсе, где люди только-только по самому краешку чуток прошли и все. А сколько ж там земель еще не открытых, островов... Ого-го! А вы на Луну собрались. Да у нас еще тут, на Земле, столько делов! Ну, как, уговорил?

– Я подумаю, – дипломатично ответил мальчик.

– Ну, что ж, брат Пушкин, тебе виднее. Айда чай пить.

И они снова спустились в капитанскую каюту, где вестовой привинтил к столу маленький дорожный самовар-кубышку из надраенной до зеркального блеска латуни. Чай пили турецкий, с колотым сахаром, миндалем и сушками. А Порубко с отцом приняли по стопочке старки за успешное завершение того «порохового похода», из которого они вернулись не отроками, но мужами...

В Севастополь «Гаджибей» прибыл к полудню, когда с полукруглой о двух ярусах белой Константиновской батареи гулко и туго рванула воздух полуденная пушка. Пароход стал под разгрузку в квадратный ковш Артбухты, а отец с сыном, оставив дорожные вещи в каюте («Гаджибей» собирался в обратный путь через три дня), сошли в город. Первым делом они поднялись на центральный холм, увенчанный бе-

лым храмом с цветными красно-сине-зелеными круглыми оконцами вроде судовых иллюминаторов. В наружные стены главного храма Севастополя были вделаны мраморные плиты с именами павших адмиралов. Сняв фуражки и взяв их, как положено, в левую руку козырьком вперед, Колчаки старший и младший поднялись на папёрть. С замиранием сердца Саша вошел под высокие своды в полумрак, слегка расцвеченный цветными бликами. Слева по всей стене поблескивали золотом беломраморные доски с именами георгиевских кавалеров, получивших эти знаки высшей воинской доблести во дни севастопольского стояния.

Купив свечи, Василий Иванович, забыв о сыне, стал возжигать их одну за другой перед заупокойным крестом, потом долго писал поминальный список: «Помяни, Господи, души убиенных воинов твоих: “Петра, Феодора, Степана, Алексея, Николая, Василия, Михаила, Карпа, Александра...”»

Позже Саша прочтет в книге отца «Война и плен»:

«...Беспрестанно падавшие снаряды поражали то человека, то станок, то орудие, то падая в толщу насыпи, разворачивали ее и превращали в безобразную грудку земли. Вот затлелись от бомбы туры и фашины. Солдат хватает мокрую швабру и, перекрестившись, влезает в забрасываемую снарядами амбразуру – пожар потушен, солдат убит. Впрочем, о смерти не задумывались, да и некогда просто было. Вот взвизгнуло ядро, пролетевши через самую середину амбразуры. Здоровый, красивый матрос, наводивший орудие,

с улыбкой что-то приговаривая к выстрелу, незаметно осел, съежился, согнулся – и медленно, почти плавно рухнул на-земь. Ядро снесло ему полчерепа. Рядом стоящий товарищ сорвал с себя фуражку, нахлобучил торопливо на кровавую голову мертвеца и спокойно заступил на его место. Весь забрызганный кровью своего предшественника, он хладнокровно наводил орудия, держась правой рукой за клин и отдавая команду прислуге. Ни секунды не было потеряно, и ответный выстрел загредел в свой черед...»

Если бы прапорщик морской артиллерии Василий Колчак написал свою «Войну и плен» прежде «Севастопольских рассказов» поручика горной артиллерии Льва Толстого, его литературный успех в России был бы не менее заметен, чем дебют его собрата по оружию. Но он сподобился написать свою хронику лишь спустя полвека после пережитых событий.

Помянув соратников по Гласисной батарее, полковник Колчак спустился по приалтарной лестнице в крипту – нижний храм, где под напольным крестом из черного мрамора покоились останки великих севастопольских адмиралов – Лазарева, Истомина, Корнилова, Нахимова...

ОРАКУЛ-2000: Лежать бы и адмиралу Колчаку вместе с ними, если бы смерть подкосила его на три года раньше, чем пришла к нему. Но и останки великих адмиралов не пощадили: в двадцатые годы «археологи» из НКВД пытались обнаружить в усыпальнице адмиралов драгоценные ордена

на истлевших мундирах, кортики и сабли с золотыми эфесами. До них это пытались сделать англичане с французами – сразу же по горячим следам, по не остывшим от пожара севастопольским камням, в 1918-м в гробнице шарили кайзеровские любители старины. В 1942-м – фашистские офицеры. В 1992 году кости героев Севастополя шустрый питерский студент увез в коробке из-под бананов в Ленинград, еще не ставший Петербургом. Якобы на судебно-медицинскую экспертизу. Те ли черепа, не те – неизвестно до сих пор. Но в тот же год некий шофер из Иркутска заявил телерепортеру, что он знает, где лежит скелет адмирала Колчака.

Лихолетье России уравнило их истинные могилы в безвестье... Остались только кресты, где были первоначально похоронены севастопольские адмиралы, где был расстрелян Колчак, где была убита семья отрекшегося императора. Некрополь великих сынов России исчез, как град Китеж...

Из Владимирского собора Василий Иванович повел сына крутыми трапами-спусками в сторону вокзала, точнее в горную слободу Бомборы. Город еще хранил многие следы военного разрушения: то тут, то там попадались руины домов с пустыми глазницами, пробойны-проломы в каменных заборах. Саша набрал целый карман штуцерных пуль и чугунных осколков.

Севастополь слишком долго, почти до скобелевских по-

бед в Болгарии, простоял в развалинах, без права держать в своих бухтах военные корабли. И вот за шесть последних лет он стал оживать, отстраиваться заново. Год назад, пояснял Василий Иванович сыну, на стапелях севастопольского адмиралтейства были заложены первые в мире многобашенные броненосцы «Синоп» и «Чесма». Да и сейчас хорошо было видно с высоты, как дымили в Южной бухте военные пароходы, как белели паруса сновавших пакетботов.

Морская синева была ровно налита во все разрывы городского ландшафта. Местами она стояла выше крыш, местами пропадала за взгорбьями холмов. Колонна затопленным кораблям белела как поминальная свеча в честь севастопольских героев.

– Куда мы идем? – спросил Саша, подбирая очередной осколок.

– В Бомборы, в слободу отставных бомбардиров. Там живет Павел Лукич Рогов, бывший канонир нашей Глассисной батареи. Я ему жизнью обязан.

Только тут Саша заметил, что отец несет в руке небольшой, но увесистый сверток.

Когда столичный гимназист увидел этот крутой склон, заросший айлантом, дерезой и прочей дикой зеленью, сквозь которую краснели углы черепичных кровель, он не сразу понял, что там живут люди. Как можно ютиться на такой крутизне? Носить туда воду, дрова, хлеб и прочую провизию?

Так могут селиться разве что горные ласточки, чьи гнезда торчат одно из-под другого. Но так жили в Бомборах люди. Множество семейств, осевших в Севастополе отставных солдат и матросов, большей частью из бомбардиров давно минувшей войны, освоили каменистый склон, как смогли, настроили домиков-мазанок, налепили двориков с подпорами, насадили в долбленых ямах яблонь, абрикосовых, вишневых, грушевых, персиковых, ореховых деревьев и, похоже, вполне примирились с неудобствами косогора.

Домик старого канонира Павла Лукича Рогова они отыскали не без помощи местных пацанят, которые с нескрываемым восторгом взирали на гимназическую форму нездешнего мальчика и серебряные погоны полковника с острой черной бородкой и совершенно лысой головой. Они сопровождали столь редкостных гостей в Бомборах до самой верхотуры, где на третьем ярусе книзу крепился невесть как к скале белый мазаный домик в два голубых окошечка. На пронзительные вопли мальчишек вышел хозяин домика – дед Павлуха в белой холщевой рубаше с закатанными рукавами.

– Господи Сусе, Василий Иванович, ты ли, голубчик?! И с сынком никак?! Вот ведь радость-то какая вышла. Вот ведь случай сподобился!

Василий Иванович снял фуражку, и они облобызались, после чего старик почему-то заплакал. Но тут же пришел в себя и зычно крикнул домочадцев:

– Варька, Глашка – жив-ва стол накрывайте! Гляньте кто

к нам пожаловал-то!

Из домика выскочили обе снохи Павла Лукича, потом выплыла сама хозяйка прелюбезная Марфа Карповна и в крохотном дворике закипело столпотворение вокруг столика под куцом виноградным навесом. Откуда-то возник и старший внук отставного бомбардира Степка. Вихрастого Степку с облупленным конопатым носом совсем не смутило гимназическое великолепие юного гостя. Он тут же потащил Сашу еще выше – на самую макушку Бомбор, которую еще не успели застроить и где в рыхлых кремовых камнях у него были спрятаны главные сокровища: старое бомбическое ядро, жестянка с пуговицами от английских, французских, сардинских и русских мундиров, нерасплющенные штуцерные пули, здоровенные, как бутылочные, пробки, английский тесак, два бомбардирских погона...

Отсюда, с новой высоты, город открывался в новом великолепии. Море входило в город глубоко и извилисто, всеми своими многорогими бухтами. В разрывах крон виднелись корабли и бастионы.

– Вона – там Лазаревские казармы, там матросы живут. А вон – Царская пристань, туда царева яхта приходит. А за ней Минная стенка – корабли при ней стоят. А дальше на том берегу – Михайловская батарея. А то – Павловская. А вона – Малахов курган!

Степка втянул воздух чуткими ноздрями и распорядился:
– Наши за стол садятся! Айда скорее, а то ничего не оста-

нется.

За столом, сколоченным из старых, но крепких корабельных досок, накрытых льняной скатеркой, сидели под виноградной сенью гость и хозяин дома. Мальчиков посадили рядом, заставив Степку отмыть руки с мылом. У Саши ладони тоже почему-то оказались в ржавчине, глине, черной смоле... Он с восторгом оглядывал крохотный дворик и домик, как бы нависший над бухтой и городом. К тому же, как пояснил Степка, под черепицей жили белки, воровавшие у деда и у соседей грецкие орехи, а на самой кровле грелись зобастые ящерицы-гекконы, похожие на маленьких китайских дракончиков.

Обед был великолепен! Во всяком случае в Питере такого Саша никогда не пробовал: в глиняных мисках дымилась наваристая уха из барабулек и бычков, приправленная сладким красным перцем, затем одна из снох поставила на стол большое блюдо с голубцами в виноградных листьях, политыми сметаной, затем появились оловянные парадные кружки, полные черешневого киселя. А посреди стола в граненом графинчике рдело вино из шелковицы. Рядом же возвышалась бутылка шустовского коньяка, привезенного полковником морской артиллерии из самого Петербурга.

Первую чарку Василий Иванович и Павел Лукич подняли за убитого пулей в сердце через амбразуру батарейного командира лейтенанта Юрьева, потом за славного тезку канонира Рогова и, конечно, за адмирала Павла Степановича

Нахимова.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «В роковой день 26 мая мы потеряли нашего батарейного командира лейтенанта Юрьева, – сетовал в своих записках Василий Иванович Колчак. – Тяжело, мучительно была служба на кургане, да и всюду в Севастополе. Вконец подорванные непрерывными потрясениями нервы совершенно притупились, и только гнет какой-то лег на плечи. Этот гнет спаял в моем представлении все пережитые дни в одну сплошную, однотонную массу физических и нравственных страданий. На фоне ее резко выделились моменты сильнейшего подъема чувств. Одним из таких моментов для меня была смерть Юрьева. Проходя по батарее, он остановился у одной из 24-фунтовых пушек во время ее заряжания. Матрос вынул из принесенного кокора заряд (помню даже – в красном мешке), хотел вложить его в канал орудия, тяжело был ранен осколком гранаты, лишился чувств и уронил заряд на платформу. Юрьев моментально поднял заряд, схватил прибойник для заряжания и – незаметно, вдруг – склонился на дуло орудия. Он не произнес ни звука, ни стоны. Смерть наступила мгновенно. Пуля через амбразуру поразила его в сердце».

Отдохнув с дороги и после сытного обеда, дождавшись, когда спадет полуденный зной, Василий Иванович и Павел Лукич в сопровождении Саши и Степки тронулись в путь к Малахову кургану. На сей раз Колчак-старший взял извозчика, на котором все вчетвером приехали в самый центр Се-

вастополя. Степка первый раз ехал в пролетке и потому сидел притихший и гордый, поглядывая по сторонам в тщетной надежде узреть на тротуарах кого-нибудь из знакомых. Саша полагал, что Малахов курган возвышается посреди города, как тот холм, на котором стоит Владимирский собор. Но оказалось, что до него еще добираться и добираться. Сначала они прошли сквозь невысокую, но торжественную колоннаду Графской пристани, спустились по гранитной лестнице к причалу, откуда, к вящей радости обоих мальчишек, пересели на небольшой катер-паровичок, который через полчаса доставил их на Корабельную сторону. Затем долго шли мимо Морского госпиталя до Аполлоновой слободы, поднялись через одну из арок старинного лазаревского акведука в гору и, наконец, предстали у подножия широкого, не очень, впрочем, высокого взгорбья.

– Вот тебе, Сашок, и Малахов курган! – сказал Василий Иванович, снял фуражку и размашисто перекрестился. То же сделал и Павел Лукьянович Рогов, который по случаю такого похода обрядился в старый бомбардирский мундир с унтер-офицерскими погонами.

– Пап, а кто такой Малахов?

– Шкипер был, пьяница несусветный при адмирале Лазареве еще... Жил под самым Курганом, с тем и попал в историю. Да не в нем суть. – Роковое место этот курган: адмиралу Истомину оторвало ядром голову, потом тяжело ранило, опять же ядром, адмирала Корнилова, а потом пуля ударила

в висок адмиралу Нахимову. Адмиральская Голгофа... Да и матросская тоже.

Они поднялись на самый верх по дорожке, окаймленной туями, бересклетом, акациями, к оборонительной башне, со стен которой еще не исчезли выбоины от осколков вражеских бомб и ядер. Неподалеку стоял крест над братской могилой русских и французских солдат. На нем Саша прочитал вслух надпись: «Смерть примирила их здесь».

ОРАКУЛ 2000: Кто мог подумать, что в декабре 1917-го здесь снова прольется кровь русских морских офицеров? По наущению большевистских вожakov их будут расстреливать свои же русские матросы – «во благо мировой революции».

В ночь с 15 на 16 декабря кровавого 1917 года было убито 23 офицера, среди них – три адмирала и генерал-лейтенант военно-морского судебного ведомства, командующий Минной бригадой капитан 1-го ранга И. Кузнецов, частенько бывавший в доме Колчаков.

* * *

День завершился поездкой на Братское кладбище, чей пирамидальный храм, похожий на солдатский шатер, белел на том берегу главной бухты. Не было в мире более светлого, более солнечного кладбища, чем эта севастопольская Валга-

ла, напоминая скорее дворцовый парк, чем некрополь. Среди вечнозеленых туй, стоявших меж белых обелисков и склепов, как зачехленные знамена, разбегались по склону этого последнего бастиона, который не взять никому никаким приступом, дорожки, проложенные к полковым плитам. Лишь один раз вздрогнул Саша: из сухой прокаленной земли торчал корень, похожий на человеческий локоть.

На обратном пути отец дал по рублю двум сторожам-ветеранам, несшим вахту у железных ворот.

– Эх, мне бы здесь лечь после трудов земных... – вздохнул Василий Иванович, оглядываясь на Братский стан. Будто чувствовал – не суждено ему иметь своей могилы. Успенское кладбище в питерском селе Мурзинка, где упокоят его останки в 1913 году рядом с могилой жены, снесут в советские времена, и на их безвестных костях возведут очередной жилой массив.

* * *

Обратно в Одессу возвращались на вполне родном уже «Гаджибее». Ночью Саша вышел из каюты на палубу. Экономя топливо, пароход шел под парусами, благо, попутный ветер позволял идти почти той же скоростью, что и под парами. Падали звезды и паруса казались огромными сачками для ловли этих стремительных мотыльков. Верхушки мачт покачивались среди созвездий; туго обтянутые снастями мач-

ты походили на стрелы, нацеленные лучником в небо. Переблесками лунной дорожки море таинственно роднилось с ночными светилами.

Весь Колчак, каким он известен миру – Колчак-Полярный, Колчак-Порт-Артурский, Колчак-Балтийский, Черноморский, Сибирский, – пошел от той самой первой детской встречи с Севастополем.

Военный риск отца, его умение преодолевать страх и делать под навесом смерти то, что нужно для боя, – все это, что коротко зовется словом «мужество», войдя в кровь отца, передалось генетически и сыну.

Много лет спустя, когда вице-адмирал Колчак командовал Черноморским флотом, он в урочный час велел шоферу ехать в Бомборы. Автомобиль с трудом одолел крутизну единственной в слободе проезжей дороги. Адмирал выбрался из авто с полпути и пошел пешком, повинувшись памяти детства. Домик старого бомбардира был еще цел, но самого хозяина Бог прибрал еще на исходе века. О Степке Рогове удалось узнать, что сложил он свою матросскую голову в Порт-Артуре на эскадренном броненосце «Севастополь», которым командовал тогда незабвенной памяти Николай Оттович Эссен.

Адмирал молча спустился к автомобилю.

ОРАКУЛ-2000: Мог ли предположить Василий Иванович, отбивая на Малаховом кургане атаки англичан и французов, что сын его станет британским офицером, внук – француз-

ским солдатом, а праправнук – американским? Но все произошло именно так...

«Надо Колчака спросить»

Осенью 1888 года 14-летний Саша Колчак впервые надел не матросский костюмчик, купленный мамой в конфекционне, а флотскую робу кадета, сшитую в швальне Морского кадетского корпуса портными-матросами. Из 3-го класса гимназии он перевелся в Училище «и по собственному желанию, и по желанию отца». Не возражала против выбора сына и мама – Ольга Ильинична, брат которой – дядя Сережа – был морским офицером.

«В канцелярию Морского Училища
Подполковника Колчака В. И.

Прошение

Желяя определить на воспитание в младший подготовительный класс Морского Училища сына моего АЛЕКСАНДРА КОЛЧАКА, я, нижеподписавшийся, имею честь представить при сем метрическое свидетельство о рождении и крещении его, и мой послужной список.

Если по принятии Александра Колчака в Училище, начальство оного признает нужным исключить его вследствие дурного его успеяния или поведения,

а также вследствие таких болезней, которые препятствуют службе на флоте, то я обязываюсь, по первому требованию Училища, без замедления взять его обратно на свое попечение.

Марта 22 дня 1888 года.

Подполковник Колчак

С.-Петербург,

Поварской пер., дом 6, кв. № 6».

Первое знакомство с будущими однокашниками вышло не очень веселым. Некий рослый и разбитной кадет-переросток, явно кичившийся тем, что в Корпусе он, как у себя дома, стал раздавать направо и налево клички оробелым новичкам.

– Колчак? – переспросил он, когда Саша назвался. – Ха-ха! Стульчак! Колчак-Стульчак!

Саша побледнел, крепко сжал кулаки и негромко, но твердо заявил обидчику:

– Если вы еще раз меня так назовете, я ударю вас по лицу!

Рослый кадет несколько озадачился, но быстро нашелся:

– А зачем вам кличка?! У вас фамилия такая, что и клички не нужно – Кол-чак!

Откуда ему было знать, что древняя тюркская фамилия означала «боевая рукавица», что один из прапращуров погребен на почетнейшем кладбище янычаров в Стамбуле.

Необычная фамилия доставляла немало проблем и Сашину отцу, дружившему с композитором Бородиным. Василий Иванович много и подробно рассказывал ему то, что,

правда, сам знал из исторических книг – о жизни половецких ханов и их воинов, про своего исторического предка трехбунчужного пашу Колчака. Бородин в тот год напряженно работал над оперой «Князь Игорь». Своего половецкого князя он назвал Кончаком по созвучию с древней фамилией друга. Каково же было его недоумение, когда после премьеры Василий Иванович не только не поздравил приятеля, но и вообще перестал с ним здороваться. Позже выяснилась причина его гнева:

– Как вы могли назвать половецкого хана Кончаком?! Это же в переводе – «штаны». Хан Штаны! Колчак – другое дело: это означает «боевая рукавица».

Звезда Александра Колчака начала свой взлет уверенно и круто. В Корпусе он шел все время первым, реже вторым.

В 1892 году Саша нашивает на свои погончики две золотистые лычки младшего унтер-офицера. Это его первое повышение в чине.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Кадет, среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычайным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием... Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: "Надо Колчака спросить". Это

слова однокашника “ментора-энциклопедиста” Д.В. Никитина, ставшего контр-адмиралом.

И еще одно гардемаринское свидетельство человека, который с младых ногтей и до первой седины в волосах пойдет за Колчаком всюду, куда тот его позовет. Михаил Смирнов, кадет младшей роты, впервые увидев гардемарина Колчака с унтер-офицерскими лычками, назначенного в роту фельдфебелем, напишет, будучи контр-адмиралом, так:

«Колчак, молодой человек невысокого роста с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы, тринадцатилетние мальчишки, чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь».

РУКОЮ ИЗЫСКАТЕЛЯ: «В Корпусе его более всего интересовали военные науки, при этом морскую артиллерию он, помимо официальной программы, изучал на практике на Обуховском заводе. Бывавший на заводе и гостивший в доме отца английский промышленник миллиардер Армстронг, нажившийся на производстве пушек и удостоившийся впоследствии звания лорда, оценил знания морского кадета по

пушечному делу и предлагал ему в будущем должность инженера на своем заводе.

Здесь же, на заводе, юный Колчак по собственной инициативе приобрел навыки слесарного дела».

15 сентября 1894 года по Высочайшему повелению Государя Императора Александра III Александр Колчак был произведен в первый офицерский морской чин – мичмана. Главная радость этого года была омрачена смертью мамы. Ольга Ильинична скончалась в одночасье, не дожив и до сорока лет. Ее отвезли на тихое Успенское кладбище в пригородном селе Мурзинка. Впервые Александр видел всегда веселого насмешливого отца плачущим. Да он и сам не сдерживал слез, против воли скатывавшихся по щекам.

Василий Иванович всегда полагал, что именно он первым покинет сей бранный мир. Он был старше жены почти на тринадцать лет. На похороны приехал из Одессы ее отец, дед Илья Андреевич Посохов, ее кузены капитан 2-го ранга Сергей Посохов (будущий контр-адмирал) и подполковник Андрей Посохов (будущий генерал-майор).

Второе событие, которое отметило тот черный год не только для мичмана Колчака, но и для всего флота, было кораблекрушение броненосной лодки «Русалка». Она затонула в шторм на полпути из Ревеля в Гельсингфорс. Считалось до той поры, что море перед стальными кораблями с паровыми машинами – бессильно. Ан нет... Потрясало и то, что никому не удалось спастись...

Деятнадцатилетний офицер прибыл в петербургский 7-й флотский экипаж. Весной 1895 года получил назначение на только что спущенный на воду крейсер «Рюрик».

В мичманах Колчак ходил три года. В декабре 1898 года он приколот на погоны лейтенантские звездочки. Но флотской жизнью своей был крайне недоволен: рейдовая жизнь, тина, тишь да гладь... Рутинная корабельная жизнь затягивала молодого офицера все глубже и все безнадежнее.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я не мог никогда согласиться со многими деталями постановки... дела у нас во флоте. Я не буду здесь разбирать причины этого, хотя главное основание всех недостатков и неудобств военно-морской службы я вижу в малой подготовке личного состава, ничтожной практике, истекающей из огромной материальной стоимости плавания современного судна и происходящей из этих двух оснований характера чего-то показного, чего-то такого, что не похоже на жизнь. На наших судах служат, но не живут, а мнение мое, что на судне надо жить, надо так обставить все дело, чтобы плавание на корабле было бы жизнью, а не одною службой, на которую каждый смотрит как нечто переходящее, как на средство, а не как цель...»

Цель у него была – великая цель: пройти к Южному полюсу планеты.

У него не было времени на рутинный ход строевой службы... Сбежать бы от нее! Но куда?

Взгляд мичмана падает на прикнопленную к переборке

общую карту мира. Да хоть бы в Антарктиду! К пингвинам...

Этот вопрос – куда сбежать от прозябания – он будет задавать себе не раз и не два... Куда деваться?

А хоть бы под пули британской пехоты, высадившейся на земле буров, как когда-то в Крыму высаживалась шотландская пехота, – под барабанную дробь и вой волынок...

Пройдет время и мичман Колчак станет нести вахту «без тумана», то есть без сучка и задоринки. Более того, начнет учить сам других, молодых, вахтенных начальников.

Командир учебного клипера «Крейсер» капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) Г. Цывинский был весьма доволен своим младшим штурманом мичманом Колчаком. За четыре года почти непрерывных плаваний Александр съел добрый пуд морской соли.

Рукою очевидца: «Один из вахтенных учителей был мичман А.В. Колчак. Это был необычайно способный и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю почти всех европейских флотов и морских сражений».

А тот отчаянно тосковал и тяготился набившей оскомину строевой службой – через день на ремень.

Но где же выход?!

К земле Санникова!

Об этой загадочной земле толковали в России и царь, и псарь. Ее миражные отроги маячили сквозь летние туманы и зимние бураны за краем известного людям света – с глухотоманных необитаемых островов Восточно-Сибирского моря.

Впервые увидел эту марь сибирский купец-промышленник, добытчик песка и мамонтовой кости Яков Санников аж в 1810 году. С той поры эта неведомая и недоступная земля лишила покоя многих людей – сильных духом и трезвых разумом.

Странное дело, мало ли в России земель, мало ли у нас больших и малых островов, островков, островищ? Но почему-то так не хватает ей именно этой призрачной земли Санникова в непроходимых морях. Чем же манили так россиян заснеженные кручи в пропащей дали? Добро бы золотые жилы там по распадкам змеились, как на Клондайке, или простирались бы лежбища тучного морского зверя, или хоть одна бухточка не замерзала в зиму, или... Но ничегошеньки, ровным счетом ничего та ускользающая земля не сулила. А на Москве и в Питере серьезные люди, не праздные мечтатели, не мальчишки-романтики, а все больше ученый народ – штурманы, геологи, гидрографы – ломали головы, как достичь заветных берегов.

Будто бы и в самом деле огромная – в шестую часть све-

та – страна была бы неполна без этой пригрезившейся Санникову земли. И Государь Император Александр III в шутку ли, всерьез молвил на очередном выпуске Морского корпуса: «Кто откроет эту землю-невидимку, тому и принадлежать будет. Дерзайте, мичмана!»

И мичмана, став лейтенантами, дерзали... Лейтенанты Коломейцов и Матисен, лейтенант Колчак, лейтенант Брусилов, старший лейтенант Седов...

Досужая публика недоумевала – чего ради?.. Ее вопросы замечательно сформулировал известный географ Ф.Ф. Врангель (это в его честь назван огромный остров в Чукотском море, чудом не переименованный большевиками), а потом сам же на них и ответил:

«Разве нет задач более неотложных, более близких, требующих меньше затраты сил нравственных и физических, чем исследования безлюдных мертвых неприглядных областей вечного снега?

...Нужно ли оправдывать личные жертвы, приносимые людьми ради идеи: расширить круг человеческих знаний, стать властелином Земли... Все это выказывает готовность переносить лишения, даже рисковать своей жизнью, служит порукою тому, что общество, воспитавшее в своей среде такой энтузиазм, еще юно, бодро, мужественно».

Все это так!

Но был один резон в экспедиции, в который не посвящали репортеров и широкую публику. Уголь!

Еще американец Де-Лонг обнаружил на острове Беннетта залежи бурого угля. Барон Толль предполагал, что третичные угленосные пласты острова Новая Сибирь простираются до Беннетта и дальше – до Земли Санникова, ежели таковая существует.

Зачем же искать уголь так далеко? Ведь в России огромные запасы его и в Донецком бассейне, и даже под Тулой. Не вывозить же черное топливо из Арктики? Во что станет такой перевоз?

А вывозить-то и не надо. Главное, чтобы туда его не завозить! Главное найти бы его там, в тех медвежьих углах. Тогда суда, идущие из Архангельска во Владивосток Северным морским путем, смогли бы пополнять запасы топлива как раз на середине великой трассы «из варяг в японцы», из Поморья в Приморье, с Крайнего Севера да на Дальний Восток. Ведь плавание паровых судов во льдах – это прежде всего двойной расход топлива. Если бы устроить на острове Беннетта или на Земле Санникова угольную станцию, то и броненосцы смогли бы огибать Чукотку и попадать во Владивосток не вокруг Африки да Цусимским проливом, а кратчайшим да к тому же почти внутренним российским путем.

Идея такой переброски судов, как военных, так и торговых, вынашивалась дальновиднейшим адмиралом Макаровым, да и великий муж науки Дмитрий Иванович Менделеев предрекал важнейшую будущность Северного морского пути.

И вот первый серьезный шаг в эту сторону – Русская полярная экспедиция (РПЭ).

Президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович, он же председатель Комиссии по подготовке экспедиции, докладывал Государю о маршруте будущей экспедиции. А Государь был молод. В свои тридцать два он бы и сам с превеликой охотой отправился искать затерянные миры. Тем более после полукругосветного плавания в Японию на броненосном крейсере «Память “Азова”» считал себя в глубине души моряком и к флоту дышал неровно.

Земля Санникова досталась ему по наследству – от отца. Александр III благоволил господам изыскателям. Их стараниями Россия прирастала без всяких войн и завоеваний. Главное, чтобы на этой обетованной, но еще не открытой земле не взвился первым иностранный флаг, о чем все время болел душой патриарх отечественной географии Петр Семенов-Тянь-Шанский: «Недалеко уже то время, когда честь исследования... Земли Санникова будет предвосхищена скандинавами или американцами, тогда как исследование этой земли есть прямая обязанность России». Ему вторил и великий князь Константин Константинович: «Экспедиция на Санникову Землю была бы теперь особенно своевременна...»

К барону Толлю просились десятки доброхотов со всех концов Российской империи. Его стол был завален рапорта-

ми флотских офицеров и прошениями студентов, чиновников, гражданских моряков. Попытал счастья и новопроизведенный лейтенант Колчак. Куда там... Барон вежливо выслушал его и сухо заметил, что офицерский штат на «Заре» уже набран, что двух лейтенантов для небольшой шхуны более чем достаточно, что Колчак еще весьма молод и успеет еще сходить не в одну экспедицию.

То был второй удар судьбы. Первый Александр испытал в мае, когда, вернувшись в Кронштадт из морей на крейсере «Крейсер», первым делом поспешил в штаб-квартиру вице-адмирала Макарова. Великое нетерпение подгоняло лейтенанта. Там, в военной гавани, стояли под парами готовые к отплытию на Шпицберген ледокол-красавец «Ермак» и военный транспорт «Бакан». На «Ермаке» уже развевался вице-адмиральский флаг Макарова. Именно он должен был вести экспедицию в Арктику.

– Ваше высокопревосходительство, возьмите с собой!

Степан Осипович был наслышан о молодом офицере, который по своему почину стал вести гидрологические замеры в Желтом и Японских морях.

Степан Осипович поглаживал бороду и смотрел на Колчака почти что ласково. Он видел в этом лейтенанте с горящими глазами самого себя лет эдак двадцать назад... Разве он сам в том же чине и в том же возрасте, тяготясь стационарной службой в Константинополе, не начал вот так же доброхотно измерять скорости верхнего и нижнего течений

в Босфорском проливе?

– Дражайший Александр Васильевич, взял бы вас без сомнений. Но не в моей власти выдержать вас сейчас с боевого корабля. Пока оформят все бумаги, мы уже за Нордкапом будем. Вы же знаете, как штабная улита едет...

С тем и вернулся лейтенант в отцовский дом в Петровском переулке.

– На все воля Божья, Сашок! – утешал сына отец. – Да и наплавался ты вдосталь. Пора своей гаванью обзавестись.

Василий Иванович, уйдя сначала в отставку, а теперь и на пенсию, давно уже по земляческим каналам высмотрел сыну невесту. Это была статная, красивая, не в меру серьезная выпускница Смольненского института благородных девиц Софья Омирова, дочь покойного начальника каменец-подольской Казенной палаты. Круглая сирота, она зарабатывала на жизнь домашней учительницей.

Александр, как и большинство молодых людей, не любил, когда родители активно вмешиваются в личную жизнь, навязывая своих кандидаток в соиздательниц семейного счастья.

– Сам-то ты не очень спешил! – заметил он, намекая, что сам Василий Иванович женился лишь в тридцать с лишним лет.

– Не надо повторять ошибки отцов... Тем не менее я свой долг перед пращурами выполнил. Явил миру продолжателя рода, и, похоже, неплохого продолжателя...

– Катя старше меня, она пусть первая продолжает.

– На сестру не кивай. С ней наша фамилия уйдет. А ты мне наследника подавай, чтоб Колчаки вовек не вывелись. Теперь ты за это отвечаешь. Служба службой, наука наукой, а пресекать род наш не имеешь права!

Знакомство, однако ж, состоялось.

Вопреки скептическим ожиданиям, София оказалась отнюдь не кисейной барышней. Ладная, спокойная, с прямым взглядом из-под высокого чистого лба, она была начисто лишена манерности столичных девиц. Собственный заработок придавал ей ту уверенность в жизни, которую ценил в себе и сам Александр. Они на равных вели беседу, вольно или невольно экзаменуя друг друга на остроту ума, эрудицию, пристрастия... Колчак мысленно вывел своей собеседнице высший балл. София приятно удивляла начитанностью, здравостью суждений, выяснилось, что она в совершенстве владеет английским, французским, немецким и чуть хуже итальянским, польским языками, превосходно музицирует, небезуспешно пробует свои силы в живописи акварелью и маслом.

Он тоже старался не ударить в грязь лицом, живо и с юмором рассказывал ей о морях и странах, в которых довелось побывать, о забавных случаях из корабельной жизни. То был совершенно неведомый Софье мир, и она слушала бывалого морехода, широко раскрыв красивые глаза, что весьма подкупало рассказчика. Более того, она с неподдельным интересом расспрашивала его о том, что интересовало не всякого

сослуживца. О Земле Санникова, о Южном полюсе, о пропавшей экспедиции лейтенанта Де-Лонга...

Саше было семь лет, когда в Арктике разыгралась очередная трагедия, потрясшая читателей газет во всем мире. Лейтенант американского флота Джордж Де-Лонг отправился к Северному полюсу на паровой яхте «Жаннетта». Увы, в июне 1881 года паковые льды раздавили хрупкий корпус суденышка, и смельчаки остались один на один с белым безмолвием высоких широт. Но прежде чем лейтенант Де-Лонг и большая часть команды погибли от голода и стужи, отважный лейтенант успел назвать три новооткрытых острова в честь своей возлюбленной – Генриетты, в честь несчастной яхты – Жаннетты и в честь издателя газеты «Нью-Йорк геральд» Гордона Беннетта, снарядившего экспедицию на свои деньги. Так и остались на карте русской Арктики острова Де-Лонга: Генриетты, Жаннетты и Беннетта.

– Если я когда-нибудь открою новый остров, я назову его вашим именем, – сказал Колчак на прощание.

– Спасибо, – без тени улыбки ответила София. – Только не пропадайте во льдах, как Де-Лонг.

...Он сдержал свое слово. Небольшой остров в Восточно-Сибирском море, названный Колчаком именем невесты, и поныне существует не только в Ледовитом океане, но и на картах Арктики, как и мыс Софии на острове Беннетта.

Как-то, прощаясь, он ей сказал:

– Если бы я был капитаном экспедиционного судна, я

непрерывно взял бы вас с собой.

Это было объяснением в любви.

Потом, спустя двенадцать лет, полярные командоры и в самом деле станут брать с собой невест: что Русанов – Жюльетту Жан, что Брусилов – Еремину Жданко. И всякий раз это будет кончаться трагично.

Спустя время Колчак узнал о своей невесте, о ее предках не меньше, чем о своих.

Она родилась на Украине, в старинном городке Каменец-Подольске, в тех краях, где был пленен прадед ее будущего мужа – турецкий генерал Колчак-паша. Пленил пашу брат ее пращура по материнской линии, екатерининский вельможа фельдмаршал Миних. Со стороны матери, Дарьи Федоровны Каменской, числился еще один воинственный предок – генерал-аншеф М.В. Берг, громивший войска Фридриха Великого в Семилетнюю войну. На баталиях генерала Максима Берга учился Александр Суворов.

По отцу же, Федору Васильевичу Омирову, начальнику подольской Казенной палаты, предки были куда более мирные – из духовного сословия.

«Мой умный, добрый и строгий отец! – восклицала она на склоне лет. – Нас было у него двенадцать человек, я – одиннадцатая».

В крови Софьи Федоровны боролись «лед и пламень»; лед духовного смирения, законопочитания и пламень высокой воинской удачи. Годы, проведенные ею в Смольнинском ин-

ституте благородных девиц, достойно ограничили ее сложный характер. Она вышла в свет со знанием семи языков.

Дед ее из подмосковных священников носил чисто духовную фамилию – Омиров, первоначально звучавшую как Гомеров. В дословном переводе имя героини этих строк вкупе с девичьей фамилией означает – «мудрость Гомера». Но не нашлось в XX веке своего Гомера, который смог бы в полной мере постичь, воспеть и оплакать ту трагедию, в которую ввергнута была Россия на семнадцатом году нашего века.

С предложением руки и сердца Александр не спешил. Идти под венец – только с ореолом героя. Как отец. Однако судьба не спешила выводить его на поле чести. К величайшему своему унынию, лейтенант Колчак ввиду нехватки офицеров был назначен вахтенным офицером на старый и потому учебный крейсер «Князь Пожарский». Подобный удар он пережил два года назад, когда попытался перевестись на канонерскую лодку «Кореец» (тот самый «Кореец», который разделил участь «Варяга» в бою при Чемульпо), уходящую к Командорским островам. Вместо вожденной экспедиции в северную часть Тихого океана – назначение на осточертевшую должность вахтенного начальника на допотопный клипер «Крейсер», возвращавшийся в Кронштадт. И вот опять тот же кунштюк.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Кроме желания плавать на севере Тихого океана у меня явился интерес к южным полярным

странам, касающийся одной из самых малообследованных областей, заключающей в себе земли Императоров Александра I и Петра Великого, впервые посещенной Беллинсгаузеном и Лазаревым, но этот интерес пока мог быть только платоническим, так как, чтобы попасть туда, надо было снаряжать экспедицию, а для этого я не имел ни опыта, ни средств.

Проплавав четыре года на военных кораблях, из которых один был в то время первоклассным крейсером, а второй представлял собой уже не имеющий боевого значения парусный клипер, я вынес довольно скептическое отношение к плаванию на военных судах и много раз еще во время пребывания в Тихом океане подумывал о выходе из военного флота и службы на коммерческих судах. Тем не менее я всегда был военным моряком и военно-морское дело ставил на первое место...

По окончании плавания на "Князе Пожарском" я перешел на эскадренный броненосец "Полтава" и через несколько недель на "Петропавловск", уходивший в Тихий океан.

Стральман куда-то уехал, и я более с ним не видался. Прекрасное, новое боевое судно первое время вернуло меня к прежним занятиям, но скоро я убедился, что здесь то же самое, что и на всех других броненосцах и крейсерах. Здесь есть служба, но нет практики, нет возможности плавать и жить».

Итак, броненосец «Петропавловск» уносил мятущегося

лейтенанта все дальше и дальше от полночных стран. Посреди пути он и вовсе надолго застрял в афинском порту Пирее.

Пирей. Сентябрь 1899 года.

Пирей – прескверный городишко. Во всяком случае таким он был в конце девятнадцатого века: полуамфитеатр унылой равноэтажной застройки с еще не выветрившимся налетом турецкой провинции обнимал весьма просторную бухту. Русские корабли облюбовали этот далеко не самый благоустроенный порт лишь потому, что все остальные удобные и в стратегическом, и в стояночном отношении гавани уже давно были обжиты кораблями английского и французского флотов. Не было баз у российского флота на Средиземном море, был лишь этот стационарный пункт, где корабли могли подолгу стоять на якорях ввиду берегов вполне дружественного Греческого королевства, поскольку королева эллинов Ольга, бывшая русская принцесса, душевно благоволила к морякам с неблизкой родины.

Осенью 1899 года на рейде Пирея встал на якорь новейший эскадренный броненосец «Петропавловск», шедший с Балтики на Дальний Восток. Вечный вахтенный начальник лейтенант Колчак, весьма удрученный неудачными попытками попасть в полярные экспедиции, пребывал в мрачнейшем расположении духа. И строки его дневника вполне созвучны настроению лермонтовского героя.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я не знаю более скверного и против-

ного места для меня, чем этот порт сквернейшей страны, какой я знаю и где наши суда стоят неизвестно зачем очень долго...»

Его душа рвалась подальше от этой земли, туда, где кипели живые события – в Южную Африку, в Трансвааль, в Оранжевую республику. Там шла война... Там «работают современные орудия с лиддитовыми и пироксилиновыми снарядами, где происходит на деле все то, что у нас на броненосце делается лишь примерно», – изливался он своему дневнику.

Но в Пирее, слава Богу, есть телеграф... И стук корабельного почтаря в дверь каюты:

– Ваше благородие, вам телеграмма!

Колчак схватил бланк с греческими почти русскими литерами. Первая мысль – от Кати, что-то с отцом. После смерти Ольги Ильиничны он сильно сдал...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «На Рождество, когда я сидел у себя в каюте и обдумывал вопрос о том, чтобы кончить службу и уйти в Южную Африку для занятий военным делом, мне принесли телеграмму, подписанную лейтенантом Матисеном, где мне предлагалось принять участие в Русской полярной экспедиции...»

Нет, то была не телеграмма, то была повестка судьбы. Свершилось! Там, на небесах, услышаны его молитвы!.. Вспышку подобной радости он испытал разве что, когда было зачитано Высочайшее повеление о производстве в офи-

церы. Он ликовал так, как будто сам Жюль Верн прислал ему приглашение лететь из пушки на луну.

Все к черту! Если не отпустят – немедленно рапорт о выходе в запас.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я немедленно ответил полным согласием на все условия и отправился к командиру капитану 1 ранга Гreve поговорить о своем решении. Я прямо сказал ему, что решил выйти из военной службы, если она явится препятствием для поступления моего в состав экспедиции, и, конечно, Гreve, вполне сочувствуя моим желаниям, посоветовал мне немедленно подать в запас, так как иначе списание мое с “Петропавловска”, да еще ввиду перевода моего в Сибирский экипаж, затянется и броненосец должен скоро уходить в Порт-Саид.

Я телеграфировал лейтенанту Матисену, которого считал за командира судна, что подаю в запас и еду, как могу скорее, в Петербург. Но выйти в запас мне не пришлось, благодаря участию президента Академии наук великого князя Константина: высшее морское начальство телеграммой потребовало моего списания с “Петропавловска” и возвращения в Петербург. Все устроилось лучше, чем я ожидал. На первом пароходе Русского общества, простившись с броненосцем честь честью... я в первых числах января ушел из Пирея в Одессу...»

В Одессе перед поездом на Санкт-Петербург он заскочил к Посоховым, материнской родне. Дед Илья Андреевич ви-

дел внука нечасто. А уж в морском облачении и вовсе впервые. Люб был казачьей душе внук при мундире и сабле.

— Хоть и не в нашу породу ты пошел, Сашка, но глаза у тебя посоховские, материны глаза... Невестой-то не обзавелся?

— Есть на примете.

— Дай знать, когда свадьба. Все брошу и приеду.

ОРАКУЛ-2000: Кто из них мог предположить, что свадьба будет за тысячи верст от Одессы да и Петербурга – в Иркутске, и что из всей родни приехать туда сможет лишь один неутомимый Василий Иванович? Как-никак его стараниями свадьбка сладилась.

Кто из них мог представить себе, что и деда Илью, потомственного дворянина, городского голову Одессы, большевики расстреляют в один год с внуком – Верховным Правителем России – в 1920-м?..

Санкт-Петербург. Январь 1900 года.

Наступал новый век – двадцатый от Рождества Христова. 2 января в газете «Московские новости» будет напечатано редакторское эссе: «С последним полуночным ударом часов 1900 года наступает новый век. На смену отжившего прошлого является новое XX столетие со всеми своими жгучими запросами настоящего и неизвестностями будущего... Кто знает, может быть, именно отечеству нашему суждено стать той силой, в которой народы увидят оплот междуна-

родной справедливости, равновесия и мира?

...Но если эта миссия возложена на нас Провидением, то для исполнения ее мы должны в новом веке еще старательнее вдумываться в смысл великих национальных основ своих и еще более свято хранить и возделывать их». Неизвестно, попадались ли на глаза Колчаку эти строки, но суть их определила весь ход жизни этого человека.

Итак, по ходатайству великого князя Константина Константиновича лейтенант Колчак был прикомандирован к Императорской Академии наук. Правда, время производства в следующий чин – капитана 2-го ранга – резко отодвигалось² (в лейтенантах ему пришлось ходить восемь лет), но это его мало заботило. Его военная карьера еще наверстает упущенное небывалым скачком: за три года он из капитана 1-го ранга станет вице-адмиралом.

Перед бароном Толлем лейтенант Колчак предстал не без душевной робости. Что значили его любительские опыты по гидрографии в сравнении с научным багажом полярника, уже побывавшего там, где погиб лейтенант Де-Лонг, а главное, своими глазами видевшего легендарную Землю?

Да, в экспедицию 1886 года Эдуард Толль с северных утесов острова Котельный ясно видел на горизонте контуры четырех гор, координаты которых примерно определялись как

² В 1900 году на русском флоте было только четыре офицерских звания: мичман, лейтенант, капитаны 2-го и 1-го рангов.

77 градусов 09' северной широты и 140 градусов 23' восточной долготы. Дальний берег простирался именно там, где указывал Яков Санников. Мог ли после этого барон Толль не верить в успех новой экспедиции, снаряженной специально, чтобы достичь тех заветных пределов?

«Заря» пленительного... счастья?

Как ни ревновали россияне Арктику к норвежцам, все же именно норвежец, великий полярный путешественник Фритьоф Нансен, отнесся к русской экспедиции с большим участием. Он щедро делился с ее командором бароном Толлем, давним своим приятелем, тем уникальным опытом, который почерпнул в ледовых плаваниях на «Фраме». Именно он присмотрел для россиян подходящее судно – китобойный барк «Гаральд Харфагер». Плотно сбитый овальный в сечении корпус понравился барону с первого взгляда, и барк после переделки под научное судно был перенаречен в «Зарю».

Именно он, старый полярный волк, напутствовал Толля добрым письмом: «Дорогой друг!.. Мне нет необходимости говорить Вам, что, за исключением Вашей превосходной жены и Вашей семьи, мало кто будет с таким интересом следить за Вами, как я».

Президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович 10 марта 1900 года утвердил состав экспедиции, куда помимо Э.В. Толля были включены:

«Капитан шхуны “Заря” Н.Н. Коломейцов – лейтенант флота; геодезист, метеоролог и фотограф Ф.А. Матисен – лейтенант флота; гидрограф, гидролог и гидрохимик А.В. Колчак – лейтенант флота; зоолог экспедиции А.А. Бялыницкий – Бируля – старший зоолог Зоологического му-

зая С. – Петербургской Академии наук; астроном и магнитолог Ф.Г. Зееберг – доктор физики; врач-бактериолог и второй зоолог Г.Э. Вальтер – доктор медицины. В состав команды также вошли: боцман Н. Бегичев, старший механик Э. Огрин, матросы-рулевые С. Евстифеев, С. Толстов, А. Семашко (заменен впоследствии П. Стрижевым), И. Малыгин (заменен С. Расторгуевым), В. Железняков, Н. Безбородов, второй машинист Э. Червинский, старший кочегар И. Клуг, второй кочегар Г. Пузырев, третий Т. Носов, повар Ф. Яскевич».

Без этого похода не было бы Колчака, во всяком случае такого, каким он вошел в историю...

Этот барчук, по нашим стереотипам, генеральский сынок, мог прожигать жизнь наравне со своими сверстниками из числа «золотой молодежи». Но визжащий вой полярных метелей влек его сильнее, чем иных – рыданье кабацких скрипок... Она уже зажглась, она уже горела на его небосклоне, старинная Прикол-звезда – Полярная, ведущая точно на север. Поморское ее название – Прикол – престранным образом вобрало в себя половину его фамилии. Потом и вовсе она станет частью его имени – Александр Васильевич Колчак-Полярный. Это про нее, случалось, пел он под рокот гитарных струн – «Гори, гори моя звезда...» На исходе века его любимый романс нечаянно продолжится в песне, написанной к кинофильму «Земля Санникова»: «А для звезды, что

сорвалась и падает, есть только миг, ослепительный миг...»
«Ослепительный миг» растянулся для Колчака на добрых три арктических года...

А пока гидролог и второй магнитолог аккуратнейшим образом вел почти школярские конспекты в Павловской обсерватории. Затем свои познания в специальных науках он пополнил и расширил в Христиании – подлинной Мекке полярных изыскателей.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Еще в Петербурге барон Толль рекомендовал мне повидаться с профессором Нансеном и воспользоваться его советами по снаряжению и работам по части гидрологии. Нансен был у нас на “Заре” короткое время, и я имел случай несколько раз повидаться с ним в его университетской лаборатории, где профессор с большой предупредительностью и любезностью сообщил и показал свою методу по определению удельных весов воды и изложенную в недавнем вышедшем труде...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.